

чем предшествующие (В, Г). Большинство признает, что России именно такой режим и нужен (В, Г, Д, З, И). Правда, они почти не дают пояснений, что же появится при этом в стране, кроме хрестоматийного набора прав и свобод, только уверены, что «в демократической России будет лучше» (Г). Кто-то твердо настаивает, что демократия нам не нужна, а нужен коммунизм (Е), так как только «ежовыми рукавицами» можно эффективно управлять таким народом. Часть респондентов придерживаются мнения, что демократия была бы хороша для России, но в действительности будет очень не скоро (Г) или вообще никогда (Б, З). Есть интересная точка зрения о том, что нам нужна не имитация, а реальная демократия (З). А один из респондентов (Г) заявил, что даже если у нас и настанет демократия, то ничего, в принципе, может и не измениться к лучшему. Свободные, прозрачные и честные выборы – один из главных атрибутов распространенной модели демократии. Об этом, так или иначе, вспомнили некоторые респонденты (Б, В, Ж), на основании того, что в России итоги голосования на выборах нередко подвергаются фальсификации, что лишает нас «честного права выбора». Демократия в популярной ныне редакции – это продукт длительного развития западной цивилизации (Б), которая во многом не похожа на нашу с ее «притяженностью и к Западу, и к Востоку» (А). Демократия у нас – явление молодое и неокрепшее (А, В), которому легко навязать опыт более зрелых демократий. США – главный распространитель этой модели в мире – далеко не идеальная страна, сама погрязшая в проблемах (Е). Поэтому демократия по западному образцу у нас не прививается (А, Б, Г, Е, И).

Таким образом, несмотря на невысокий уровень удовлетворенности населения существующим политическим режимом в России, респонденты вполне адекватно воспринимают основные характеристики концепта «демократия». Само понятие трактуется неоднозначно. В тоже время граждане не всегда четко разграничивают показатели и институты демократии, часто отождествляя политический режим с конкретным политическим деятелем. Россияне выбрали «свой», отличный от западного, путь демократического развития, но и желания активно участвовать в политической жизни страны также не выразили.

Список литературы

1. Индекс демократии стран мира. Доклад WorldPublicOpinion.org. – Режим доступа: http://www.worldpublicopinion.org/pipa/articles/governance_bt/638.php?nid=&id=&pnt=638&l, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., англ.
2. Категории политической науки / отв. ред. А. Ю. Мельвиль. – М. : РОССПЭН, 2002. – С. 196–259.
3. Общественное мнение – 2010. – М. : Левада-Центр, 2011. – 268 с.
4. Опрос общественного мнения ВЦИОМ 12.06.2011 г. – Режим доступа: www.point.ru/news/stories/9444/, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

РОЛЬ ОТЕЧЕСТВЕННОГО БИЗНЕС-СООБЩЕСТВА В ПРИЗМЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

А.Х. Сукнасян
(Россия, Волгоград)

В данной статье автор рассматривает роль российского бизнес-сообщества в призме политической модернизации. В контексте современных реалий российское государство де-факто не рассматривает российский бизнес в качестве агента политической модернизации. Данное обстоятельство обусловлено крайне низким социальным капиталом российского бизнеса. Дефицит социального капитала создает весьма ограниченный выбор для формата взаимодействия с политической властью. Поэтому действия бизнес-сообщества характеризуются инновационной и политической апатией. Таким образом, поведение бизнес-сообщества в призме политической модернизации на сегодняшний день носит номинальный, имитационный характер.

In this article the author examines the role of the Russian business community through the prism of political modernization. In the context of contemporary realities, the Russian government de facto does not consider the Russian business as an agent of political modernization. This circumstance is due to the extremely low social capital of Russian business. Deficit of social capital creates a very

limited choice of format for interaction with political authority. Therefore, the behavior of the business community is characterized by innovation and political apathy. Thus, the behavior of the business community through the prism of political modernization is by far the nominal and simulated.

Ключевые слова: бизнес-сообщество, политическая модернизация, социальный капитал, инновационная и политическая апатия, имитация, политическая власть.

Key words: business community, political modernization, innovation and political apathy, simulation, political authority.

Устойчивую и сбалансированную эволюцию государства можно обеспечить благодаря ускоренной диверсификации и конкурентоспособности политических институтов. Одной из существенных составляющих политической модернизации является выделение такого политического института, как бизнес. Концептуально обобщая мировой опыт, можно констатировать, что бизнес-сообщество выступает субъектом политической модернизации: бизнес собственными силами, без посторонних влияний устанавливает меру своего вклада в политическое развитие или формальные и неформальные институты сводят интересы бизнес-сообщества в надлежащее соотношение, соответствие с политическими потребностями, которые потом преобразуются в настоятельные требования к бизнесу. Однако в современной России политическое развитие и модернизация сдерживаются не только недостаточной эффективностью бизнеса и несовершенством институтов, но и целым рядом других факторов. Один из них – дефицит социального капитала, который отдаляет приближение к дифференцированной политической структуре с высокой специализацией политических ролей и институтов. Более того, социальный капитал способствует упрочению ролевого характера взаимодействия по линии «политическая власть – бизнес», т.е. ожидания и поведение в диаде «политическая власть – бизнес» должны быть обусловлены их политическим статусом и функциями, а не партикулярности – аскриптивной ориентацией по отношению к друг другу, отвечающей логике взаимоотношений «опекун (попечитель) – подопечный», что является основополагающей чертой традиционных институциональных взаимодействий в политической системе современной России.

Современная концепция «модернизации» была сформулирована в середине XX в. во времена распада европейских колониальных империй и появления большого количества новых государств. С середины XX в. происходило переосмысление роли западных государств и стран третьего мира в модернизации. Распространенные в 1940–1960-е гг. теории однозначно признавали эталонными для модернизации других стран наиболее развитые – западные. Под *модернизацией* понимался процесс вытеснения традиции современностью или восходящее развитие от традиционного общества к современному. При этом традиция, как правило, признавалась таковой, что тормозит социальный прогресс, и которую необходимо преодолеть и сломать. Развитие всех стран и народов рассматривается с универсалистских позиций – оно должно происходить в одном направлении, иметь одни и те же стадии и закономерности. Признавалось наличие национальных особенностей модернизации, однако считалось, что они имеют второстепенное значение [7, с. 233–247].

Второй этап (1970–1980-е гг.) отметился критикой и переоценкой идей первого – акцент делался на научно-технической революции. Современные общества могут включать немало традиционных элементов. Модернизация способна усиливать традицию (С. Хантингтон, З. Бауман). Концепции модернизации были признаны как альтернатива коммунистическим теориям трансформации.

С конца 1980-х гг. на третьем этапе развития теории модернизации признают возможность национальных проектов модернизации, осуществляемых на основе накопления технологически и социально передовых опытов и внедрения их в гармоничном сочетании с историческими традициями и традиционными ценностями незападных обществ (А. Турен, Ш. Эйзенштадт). При этом модернизация может осуществляться без навязывания западного опыта, а нарушение равновесия между современностью и традиционностью приводит к острым общественным конфликтам и неудачам модернизации. Следует различать два типа модернизации – органическую и

неорганическую. Первичная, органическая модернизация проходила в тех странах, которые были новаторами на этом пути, и разворачивалась благодаря внутренним факторам, в частности, коренным изменениям в сфере культуры, ментальности, мировоззрения. Ее становление связывают с появлением национальных централизованных государств, зарождением буржуазных отношений, в частности капиталистической кооперации и мануфактуры, формированием раннемодечных наций, а подъем – с первой промышленной революцией, разрушением традиционных наследственных привилегий и внедрением равных гражданских прав, демократизацией, становлением национальных суверенных государств и т.п. Вторичная, неорганическая модернизация происходит как ответ на внешний вызов со стороны более развитых и осуществляется преимущественно под влиянием заимствования чужих технологий и форм организации производства и общества, приглашения специалистов, обучения кадров за рубежом, привлечения инвестиций. Ее основной механизм – имитационные процессы. Начинается же она не в сфере культуры, а в экономике и / или политике, и в последнем случае определяется как догоняющая модернизация или «модернизация с опозданием». Такая модернизация представляет собой своеобразный «вызов», на который каждое общество дает свой «ответ» в соответствии с принципами, структурами и символами, заложенными в достижениях его длительного развития. Поэтому ее итогом является не обязательно усвоение социальных достижений Запада, а совокупность качественных изменений традиционного общества, в той или иной степени адаптированных к мануфактурному или индустриальному производству [13].

Представители «консервативного» направления (С. Хантингтон, Дж. Нельсон, Х. Линц и др.) считали, что главной проблемой модернизации является конфликт между мобилизованностью населения, его включенностью в политическую жизнь и институционализацией, наличием необходимых структур и механизмов для артикулирования и агрегирования их интересов. В то же время неподготовленность масс к управлению, неумение использовать институты власти, а, следовательно, и неосуществимость их ожиданий от включения в политику способствуют дестабилизации политического режима. В работе «Политический порядок в меняющемся обществе» С. Хантингтон писал, что главная задача политической модернизации – способность политических институтов приспособиться к изменяющимся условиям, основанная не на уровне их демократизации, а на прочности и организованности [11]. Сторонники «либерального» направления (Р. Даль, Г. Алмонд, Л. Пай и др.) под основным содержанием модернизации понимали формирование открытой социальной и политической системы путем интенсификации социальной мобильности и интеграции населения в политическое сообщество. Главным критерием политической модернизации они считали степень вовлеченности населения в систему политического представительства: характер и динамика модернизации зависят от открытой конкуренции свободных элит и степени вовлеченности рядовых граждан в политический процесс. Условием успешной модернизации, по их мнению, являлось обеспечение стабильности и порядка (с помощью диалога между элитой и населением) и мобилизации масс. При этом представители данного направления выделяли следующие варианты развития событий: при приоритете конкуренции элит над участием рядовых граждан формируются наиболее оптимальные предпосылки для последовательной демократизации общества и осуществления реформ; в условиях значительного усиления роли конкуренции элит при низкой активности основной массы населения складываются предпосылки установления авторитарных режимов и торможения преобразований; доминирование политического участия населения над соревнованием элит может способствовать нарастанию охлократических тенденций, что провоцирует ужесточение режима и замедление перемен; одновременная минимизация «соревновательности» элит и политического участия структур гражданского общества (в частности, бизнеса как субъекта гражданского общества) ведет к хаосу, дезинтеграции социума и политической системы, что также способствует установлению диктатуры. Однако оба эти подхода, как и теории модернизации, на первом этапе объединяли взгляд на модернизацию не как на спонтанный саморазвивающийся процесс, а как на процесс,

инициаторами и проводниками которого выступают, в первую очередь, политические элиты, проводящие соответствующую политику модернизации.

Несмотря на то, что политическая модернизация может осуществляться различными способами с использованием различных механизмов, политологи выделяют ее универсальные составляющие: создание дифференцированной политической структуры с высокой специализацией политических ролей и институтов; создание современного государства, обладающего суверенитетом; усиление роли государства, расширение сферы действия и усиление роли закона, связывающего государство и гражданское общество; рост численности граждан (лиц с политическими и гражданскими правами), расширение включенности в политическую жизнь социальных групп (например, бизнес-сообщество); возникновение и увеличение рациональной политической бюрократии, превращение рациональной деперсонифицированной бюрократической организации в доминирующую систему управления и контроля; ослабление традиционных элит и их легитимности; усиление модернизаторских элит [9].

Новый импульс дискуссиям о модернизации придало крушение коммунистических режимов и связанные с ним вызовы. В начале 1990-х гг. немецкий социолог Клаус Оффе, размышляя о перспективах посткоммунистических трансформаций, утверждал, что они носят трехмерный характер. СССР и Восточная Европа стояли перед необходимостью смены (1) однопартийных режимов – конкурентными демократиями, (2) плановой системы в экономике – рыночными механизмами и (3) имперского устройства – национальными государствами. Их «дилемма одновременности», по Оффе, заключалась в том, что если страны Западной Европы сперва прошли длительный путь национально-государственного строительства, затем сформировали основы капитализма и лишь позднее перешли к демократии, то странам посткоммунистической Европы предстояло решать эти задачи одновременно. Системный кризис в России 1990-х гг. однозначно предопределил отказ от «одновременности» реформ и приоритет экономических преобразований по отношению к политической модернизации. Однако же «дилемма одновременности» выглядит сегодня для России даже более актуальной, нежели в начале 1990-х гг., когда она была сформулирована. Необходимость совместить политическую и экономическую модернизации (наряду с модернизацией национально-государственного устройства страны) становится императивом для политиков, заинтересованных в выходе России из авторитарного тупика и понимающих, что демократизация нашей страны неизбежна и необходима [4, с. 51–61].

По мнению ряда исследователей (М.В. Ильина, Е.Ю. Мелешкиной, В.И. Пангина), процесс политической модернизации в России можно в целом отнести к эндогенно-экзогенному типу. Характерной особенностью этого типа модернизации является сочетание различных собственных и заимствованных институтов и традиций. Из-за слабости гражданского общества и исключительной роли, которую играет государство в России, модернизация общества постоянно подменяется модернизацией государства – его военно-индустриальной мощи, бюрократического аппарата, репрессивных органов, государственного сектора экономики и т.п. В итоге задачи форсированной военно-индустриальной модернизации государства, усиления его как мировой державы часто решались за счет антимодернизации, частичной архаизации и деградации общества [3].

В XXI в. многие государства в контексте традиционной политической культуры (и современная Россия – не исключение) априори сталкиваются с необходимостью осуществления современных форм преобразований, которые связаны с такими ключевыми понятиями, как «трансформация», «модернизация», «рациональность», «партнерство», «глобализация» и т.д. Именно они определяют степень соответствия происходящих здесь процессов модернизационным преобразованиям, а также содержание, тип и структуру государственности. Показатели традиционной культуры (архаичность, анимизм) и их общие характерные черты (синкретизм, традиционализм, ритуализм) следует рассматривать как отклоняющиеся от культурных норм факторы, которые выступают в качестве пусковых механизмов кризиса культуры в обществах традиционного типа. Здесь в силу вступают предвзятость выборов, нерациональность

действий, спонтанность побуждений и т.д. Взаимодействие государства и общества регулируется неформальностью нравов, обычаев, ритуалов, а не правовым законодательством. Подобное взаимодействие является почвой для создания модели девиантной культурной институционализации [5, с. 18–30]. В частности, Ахиезер считает, что российское общество – это общество промежуточной цивилизации. Оно вышло за рамки традиционности, но так пока и не смогло перешагнуть границы либеральной цивилизации. Гибридный идеал – результат стремления расколотых частей общества не довести раскол до его логически возможной крайней формы, сохранить интеграцию общества. Опасность распада гибридного идеала постоянно существует в политических течениях, берущих в качестве своих предпосылок, по сути, противостоящие друг другу элементы либерализма и традиционализма, а, по мнению Т.И. Заславской, «трудно сказать, какие из них доминируют» [2, с. 12–21].

С точки зрения В.А. Ачкасова, модернизация в России создает лишь «островки нового» в традиционном обществе. Основной способ реализации такого рода модернизации – так называемая «имитация». Он подразумевает под собой лишь имитацию того, что все общество вовлечено в процесс реформ, инициированный правительством, в то время как общество в своем большинстве не готово к коренным переменам [1, с. 83–93]. Наиболее часто используемый механизм политической модернизации – заимствование (копирование, имитация) образцов [10, с. 699–771]. Обычно выделяют два типа имитации: 1) имитация алгоритма, когда копируется механизм какого-либо процесса, включая его содержание или функциональную нагрузку; 2) имитация результата или формы, другими словами, «симуляция» (например, провозглашение свободных и соревновательных выборов как принцип, т.е. *de jure*, при их несвободном и несоревновательном характере *de facto* или создание трех ветвей власти без фактической реализации принципа разделения властей). Резкий разрыв с прошлым ведет только к чисто символическим, формальным переменам и через некоторое время все возвращается на круги своя. В этой ситуации традиция служит определителем ограничений для реформ, их легитимации, интенсивности и направленности.

На наш взгляд, ролевые функции поведения отечественного бизнес-сообщества в призме политической модернизации также характеризуются имитацией, потому что российский бизнес как политический институт представляет собой эпифеномен «закулисных сделок». В этой связи интересен комментарий П. Хлебникова по «делу Юкоса»: «Мы наблюдаем, как агонизирует клептократическая система ельцинской России. Вопиющий пример порочности приватизационной эпохи – пресловутые залоговые аукционы 1995–1997 гг., обеспечившие Ходорковскому его состояние. Покупая у государства активы по столь заниженной цене, вы рискуете, что ваши права на новую собственность никогда не будут надежно защищены. Сограждане будут считать вас мошенником, а государство – скорее хранителем активов, чем их подлинным владельцем» [12]. Таким образом, можно констатировать следующее: если политический институт формируется в ситуации, когда ощущается дефицит социального капитала, то рано или поздно этот институт (в нашем случае – бизнес) подвергается различного рода манипуляциям или же атрибуты данного института атрофируются.

Атрибуты бизнес-сообщества как субъекта политической модернизации: 1) потребность в рефлексии, самосознании; 2) «свобода для», а не «свобода от»; 3) достижительная мотивационная направленность; 4) высокий уровень социальной ответственности; 5) автономия, сплоченность.

В современной России самопроизвольно усиливающаяся политическая монополизация не была перманентно уравновешена формированием политических институтов, функционирующих в соответствии с принципом обратной связи. Поэтому только государство выступало как единственный агент политической модернизации, причем авторитарного толка, соответственно, наименее легко поддающийся изменению, преобразованиям. Социально-политическая деятельность бизнеса рассматривается через призму интересов и политики российского государства, так как относительно влиятельная часть бизнес-сообщества, и даже его ядра, является выходцами из но-

менклатурной среды, что способствует относительной маргинальности их сознания и поведения (ориентация на выживание, сохранение status quo, компульсивность, патернализм и т.д.). Это обстоятельство заметно влияет на общий портрет российского бизнес-сообщества как субъекта политической модернизации. Для его представителей характерен кризис самоидентификации, нигилизм, нуминозность как модус политического сознания, незавершенность социокультурной модернизации внутри бизнес-сообщества. Поэтому особенности политического поведения российского бизнес-сообщества заставляют предполагать, что его роль в политической модернизации в России будет, видимо, коренным образом отличаться от той модели, которая была свойственна западному бизнесу.

Российский бизнес как никогда ощущает на себе последствия кризиса легитимации, основой которого является кризис мотиваций – дисконгруэнтность (несоответствие) между мотивами и потребностями бизнес-сообщества и возможной их компенсацией в политической системе. Теоретической основой между мотивами и потребностями бизнес-сообщества служит конструкция «ожидание ожидания ожидания». Этот процесс предполагает политический контракт, набор политических норм, обменов и, следовательно, некоторый базовый уровень доверия. Необходимым условием включенности бизнеса в политический процесс является преодоление институциональных и структурных барьеров, вовлеченность в процесс выработки правил игры на политической арене и их транспарентность. Достаточным условием выступает преодоление дивергенции между значительным диапазоном накопившихся социокультурных изменений и несоответствующим уровнем институционального развития. Бизнес должен знать ответы на такие вопросы, как: «что он может делать», «почему он это делает», «что это ему дает». Это способствует осознанию бизнес-сообществом своего политического статуса и своих потребностей, мотивов, действий, что будет способствовать также росту его потенциала как субъекта политической модернизации. Более того, повестка дня российской модернизации включает в себя не только широко обсуждаемые технологические и институциональные измерения, но и социальные измерения. Изменения структуры российского социального капитала могут иметь далеко идущие последствия для экономического роста и политического развития в России [6, с. 150–159]. Конечно же, для формирования необходимых условий сказывается дефицит социального капитала (навыки коллективного действия, способность сообщества к самоорганизации и совместным действиям, причём, самостоятельно и по собственной воле, без принуждения извне). Социальный капитал опирается на доверие, разделяемые обществом нормы и ценности, а также на социальные сети различного рода. Для расширения его радиуса действия необходимо формирование институционального доверия между властью и бизнесом за счет прозрачности, преднамеренности, ориентированности и, самое главное, мотивированности, что служит своеобразной предпосылкой создания широких политических коалиций. Более того, этакратическая модель (позиции представителей бизнес-сообщества определяют их местом в структуре власти и соответственно – иерархическое ранжирование объема и характера привилегий) взаимодействия между бизнесом и политической властью подавляет социальный капитал, при этом запускается механизм патрон-клиентских отношений для сепаратной (отдельной, обособленной от других) защиты от злоупотреблений политической властью. Без учета особенностей социального капитала взаимодействие бизнеса и власти в свете политической модернизации сродни разговору «глухого с немым», тем самым оказывается весь социум в ситуации проигрыша. Дефицит социального капитала отечественного бизнеса порождает в политической системе такие аспекты, как: а) парадокс легитимности псевдоморфозов в структуре институциональной системы России; 2) кризис легитимности бизнеса; 3) несформированность конгруэнтной системы политических ожиданий бизнеса, государства и общества; 4) не учитываются комплементарность институтов и «трансцендентальность институтов» – способность институтов функционировать в разных контекстах; 5) правила игры в большинстве случаев не дополняются правилами контроля в российской институциональной среде; 6) институционализирован-

ный компонент российского политического механизма, который генерирует отношения зависимости, когда акторы политического процесса становятся «заложниками» собственных начинаний. Как следствие, в российской действительности бизнес-сообщество как политический институт «пребывает» в стагнате (это состояние с крайне медленными, но не прекращающимися полностью процессами развития; аномалия временной системы координат).

Список литературы

1. Ачкасов В.А. Россия как разрушающееся традиционное общество / В. А. Ачкасов // *Полис*. – 2001. – № 3. – С. 83–93.
2. Ахиезер А. С. Российский либерализм перед лицом кризиса / А. С. Ахиезер // *Общественные науки и современность*. – 1993. – № 1. – С. 12–21.
3. Баранов Н. А. Политические отношения и политический процесс в современной России / Н. А. Баранов. – СПб. : БГТУ, 2004. – 279 с.
4. Гельман В. Я. Турик авторитарной модернизации / В. Я. Гельман // *Pro et Contra*. – 2009. – № 5–6. – С. 51–61.
5. Деметрадзе М. Р. Социокультурные аспекты традиционной политической культуры России (источник девиантного поведения членов современного общества) / М. Р. Деметрадзе // *Юриспруденция*. – 2009. – № 15. – С. 18–30.
6. Дискин И. Е. Социальный капитал в глобальной экономике / И. Е. Дискин // *Общественные науки и современность*. – 2003. – № 5. – С. 150–159.
7. Ермаханова С. А. Теория модернизации: история и современность / С. А. Ермаханова // *Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых*. – Новосибирск, 2005. – С. 233–247.
8. Заславская Т. И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации / Т. И. Заславская. – М., 2004. – 400 с.
9. Зеленков М. Ю. Политология для юристов / М. Ю. Заславская. – М. : Юридический институт МИИТа, 2003. – 563 с.
10. Каптерев А. Культурная эволюция и межстрановые заимствования / А. Каптерев // *Промышленная политика и международные отношения* : сб. ст. – Челябинск : Социум, 2005. – С. 699–771.
11. Хантингтон Э. Политический порядок в меняющемся обществе / Э. Хантингтон. – М., 2004. – 480 с.
12. Хлебников П. Дело «ЮКОСА»: Веха на пути к законности / П. Хлебников // *Ведомости*. – 2003. – № 45 (234).
13. Эйзенштадт Ш. Н. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Н. Эйзенштадт. – М., 1999. – 416 с.